поэзия

АНДРЕЙ ГАЛАМАГА
(Москва, Россия)

Член Союза писателей России. Окончил Литературный институт им. Горького, семинар поэзии Э.В. Балашова. Автор пяти книг стихотворений, пьес, киносценариев. Дважды (2007, 2012) лауреат международного фестиваля «Пушкин в Британии». Лауреат фестиваля «Русские мифы» в Черногории (2013). Обладатель Гран-при 1-го литературного фестиваля «Интеллигентный сезон» в г. Саки, Крым (2015).

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Последним воскресением зимы
По узким улочкам Замоскворечья,
По тем местам, где вместе были мы,
Пройтись, наружу вырвавшись из тьмы,
И не отчаяться, и не отречься.

Казалось бы, всего на полчаса
Нам стоит оказаться на Ордынке,
И снова ты поверишь в чудеса –
Прекрасна, как весенняя роса
На тоненькой нетронутой травинке.

Часы застыли. Тиканье пружин
Прервалось на последнем обороте.
Я снова жив. Но снова здесь один,
Как будто безраздельный властелин
Всех проходных дворов и подворотен.

Мы знали тайну. В предрассветный час
Они, как музыкальная шкатулка.
Их звук с тобой мы слышали не раз,
И не было волшебнее для нас
Замоскворецких сонных закоулков.

Я не могу поверить, что сюда
Ты больше никогда не возвратишься.
Что я один – невелика беда,
Но нет страшнее слова – никогда,
Из словаря посмертного затишья.

И каждый день, как грешник, по утрам
Я нашему молюсь Замоскворечью.
Брожу по переулкам и дворам
И жду, что небо улыбнется нам,
И ты – нечаянно шагнешь навстречу.

ПЕЙЗАЖ

Полмира объехав без дела,
Поймешь, что полжизни отдашь
За русский пейзаж черно-белый,
Березовый зимний пейзаж.

На дальнем пригорке деревня,
Сороки пустились в полет,
А рядом, меж редких деревьев
Охотник с собакой бредет.

Петлянье дороги окольной,
Следы лошадиных подков;
И темный шатер колокольни
На фоне сплошных облаков.

Мой друг, путешествий любитель,
Меня перебьет, в простоте.
Он где-то подобное видел.
В Германии? в Польше? в Литве?

Пейзаж этот больше фламандский.
Вот Брейгель, типичный пример.
Подумаешь, кончились краски.
Остались бы уголь да мел!..

В Антверпене не был я в жизни
И спорить теперь не готов.
Но вдруг этот Брейгель Мужицкий
Был родом из наших краев?

Согласен, что это абсурдно.
Но что, если я не один?
Вдруг так же считают подспудно
Датчанин, француз или финн?..

Уютно чернеют домишки,
Со снежной зимою в ладу,
И черную шайбу мальчишки
Гоняют на белом пруду.

* * *

Блажен, кто умер, думая о Боге,
В кругу благовоспитанных детей.
А я умру, как гонщик, на дороге,
С заклинившей коробкой скоростей.

Я равнодушен к почестям, наградам,
К тому, чтоб их любой ценой добыть.
Но раньше ты была со мною рядом,
И я с тобой – не мог не победить.

Как верный штурман, с самого начала,
За каждый поворот и перевал
На трассе – ты без страха отвечала,
И я беспрекословно доверял.

Не верю, что ты просто испугалась.
Но как-то раз, без видимых причин,
Ты не пришла, сославшись на усталость,
И я остался без тебя один.

Мне не достало чуточку удачи.
Но, помнишь, мой небесный знак – стрелец.
И я достигну верхней передачи
И все из жизни выжму под конец.

И мне не будет за себя обидно,
Я гонку честно до конца довел.
И если я погибну, то – погибну
С педалью газа – до упора в пол.

* * *

Его стая для славы растила,
Он привык побеждать. Но теперь
Кровь сочится в траву, и насилу
Рыщет по лесу раненый зверь.

На мгновенье он выпал из круга,
И, стыдливо потупив глаза,
От него отвернулась подруга,
От него отказались друзья.

Только смерть где-то рядом, все ближе
Шаг за шагом. Чего ожидать?
Он матерый, он знает, как выжить.
Он не знает, зачем выживать.

Лишь мучительно чует, что это
Исключительно волчий вопрос,
И пока не получит ответа,
Он не сможет бороться всерьез.

На границе звериного лога
Он приляжет на хвойный настил.
Он поверил бы в волчьего Бога,
Если б тот за него отомстил.

Он не станет зализывать раны,
Гнать страдание, гордость и стыд,
И умрет оттого, что упрямо
Пораженья себе не простит.

* * *

Солнце всходит, словно из-под пытки, –
Хоть бы и вовек не рассвело.

Город, обносившийся до нитки,
Растерял последнее тепло.

День проходит, начерно набросан;
Стынут листья в сквере на Страстном.
Небо над Москвой стянула осень
Серым негрунтованным холстом.

Полчаса до полного коллапса.
Нет бы от снарядов или пуль, –
Мир как будто сдуру наглотался
Противозачаточных пилюль.

День устал мечтать о брачной ночи,
Холостой рассвет, пустой закат.
Только ветер вкрадчиво пророчит
Неисповедимый снегопад.

И часу неведомо в котором,
Над бесплодной осенью смеясь,
Первый снег под бархатным покровом
Скроет город от нескромных глаз.

МОСКОВСКИЙ ЛИВЕНЬ

Я снова заглянул к тебе с утра.
Спросонок ты была слегка капризна,
А захлестнувшая Москву жара
Отнюдь не добавляла оптимизма.

Я, как всегда, принес тебе цветы, –
Три крупных разноцветных хризантемы.
Я не устал надеяться. Но ты
Старалась не касаться скользкой темы.

А впрочем, я прочел в твоих глазах,
Воспользовавшись выпавшей минутой,
Что ты готова сделать шаг назад
И только слишком медлишь почему-то.

Казалось, шаг – и можно все вернуть.
В какой-то миг я думал, оставалось
Лишь поступиться гордостью чуть-чуть.
Но ты упрямилась и не сдавалась.

Нам примириться вновь не удалось.
Мы выбрели во двор неторопливо,
Когда внезапно всю Москву насквозь
Пронзил июньский первозданный ливень.

Прозрачные, как будто акварель,
Ни в ком не вызывая беспокойства,
От каждой капли, выпавшей на Кремль,
Бежали концентрические кольца.

Бульварное, Садовое кольцо…
И вплоть до кольцевой автодороги
Дождь то хлестал порывисто в лицо,
То вдруг, раскаявшись, стелился в ноги.

И мы с тобой, как прежде, без затей
Стояли под зонтом, обняв друг друга.
Как будто дождь нам послан был затем,
Чтоб вырваться из замкнутого круга.

* * *

Спешить – и не достигнуть цели,
Сражаться – и не победить.
Жить – на пределе, но на деле
Так жажду и не утолить.

Любить – до дна, не зная меры,
Не оставляя про запас.
Креститься – с безрассудством веры,
Так – словно бы в последний раз.

И в час, когда тебя к ответу
Трубящий ангел вознесет,
Поднять глаза навстречу Свету
И поблагодарить за все.

* * *

Я не верю в намеренье добрых,
Не завидую замыслу злых.
Мне хватает довольно подробных
Наблюдений за гибелью их.

Я не сплю. Созерцатель бесцельный
Я исследую мир мертвецов.
И меня забавляют со сцены
Тени полузабытых отцов.

Там, за гранью реального мира,
Где часов прекращается ход,
Параджанов поставит Шекспира –
Так, что Гамлет в конце не умрет.

Пусть не с первой попытки, так с третьей,
Им, терять – не терять, все равно.
Мы – живем в ожидании смерти,
А бессмертие – мертвым дано.

Им дана простота совершенства
В равнодушии к нашим страстям…
Но и я – за монетку в шесть пенсов
Первородство свое не продам.

Я ничем никому не обязан,
Это главное. А во-вторых,
Мир, с которым покуда я связан,
Не делю я на добрых и злых.

В бронзе, мраморе, в гипсе, в граните ль
Вы хотите себе их вернуть.
Но, возможно, последний хранитель,
Тот, кому приоткрыли свой путь,

Я не сплю – между жизнью и смертью.
И, довольствуясь ролью слуги,
Я – за непроницаемой твердью –
Различаю бессмертных шаги.

* * *